

Виола снова оглянулась.

И правда, сплошная темнота!

Абсолютная чернота.

Виола без малейших колебаний развернулась.

Осаму Дадзай остолбенел:

— Малышка?

Виола побежала ещё быстрее.

Этот любитель чёрной жижи явно цел и невредим, и вместо того, чтобы тратить время на созерцание изливаемых им потоков уныния, лучше побыстрее вернуться и доставить соевый соус.

*

Ода Сакуносукэ и учитель Нацумэ испытали некоторое облегчение.

Оказывать посильную помощь окружающим.

А встретив странного человека — тут же держаться от него подальше.

Ай-чан всё сделала правильно.

Ода бросил на Дадзая тяжёлый, полный сложновыразимых чувств взгляд и мысленно пообещал себе, что в следующий визит в Lupin обязательно как следует с ним поговорит.

*

Виола бежала без остановок всю дорогу до магазина, объяснила ситуацию хозяину и тут же снова выбежала на улицу.

Она пообещала Элис вернуться и побыть с ней.

Стоило ей выйти, как она встретила Учителя Няню.

— Мяу, — учитель Нацумэ не слишком-то доверял тому, что Ай-чан гуляет одна.

— Учитель Нянко хочет пойти со мной? Здорово! — Виола подхватила Учителя Нянко на руки.

Шагая по дороге, Виола рассказывала Учителю Нянко о своих сегодняшних приключениях.

Учитель Нацумэ время от времени отзывался коротким мяуканьем.

— Интересно, что теперь будет с Элис, — опечаленно вздохнула Виола.

Учитель Нацумэ долго колебался, но так и не решился напрямую раскрыть девочке правду о том, что Элис — всего лишь воплощение чужой способности.

Закончив с Элис, Виола с заметным беспокойством упомянула о двух встретившихся ей сегодня чернотушках. Особенно о втором... Он ведь совсем молодой, почему же от него так разит чернотой?

Прекрасно зная истинную природу того человека, учитель Нацумэ тут же отозвался:

— Мяу-мяу-мяу. (Тогда держись от него подальше).

Виола на мгновение задумалась.

Ангелы любят свет и не выносят тьмы.

Виола должна была признать, что как на физическом, так и на ментальном уровне ей совсем не хотелось приближаться к этой ходячей тьме.

— Йокогама такая большая, вряд ли мы снова столкнёмся...

Она не успела договорить, как заметила впереди покачивающуюся на волнах реки знакомую фигуру.

Виола: «.....»

Учитель Нацумэ: «.....»

Ода, всё это время неотступно следовавший за ними на расстоянии: «!!!»

Не прошло и получаса, она даже пошла другой дорогой, и на тебе — снова этот знаток чёрной жижи. Что это вообще значит?

*

Увидев, как чёрная жижа безмятежно покачивается на речной глади, Виола, не раздумывая, бросилась на помощь.

В критический момент она взмолилась, чтобы речные рыбы подхватили его снизу.

— Мяу! — Учитель Нацумэ подвёл её к дереву на берегу, где висел кусок верёвки.

Верёвка завязалась как раз подходящей петлей.

Виола живо швырнула её вперед, метко заарканила утопающего и единым рывком вытянула на берег.

Вся эта последовательность действий заняла меньше минуты.

Одежда Виолы промокла по кругу, маленькая принцесса выглядела несколько растрёпанной, но всё же с облегчением выдохнула, присела на корточки и легко похлопала по щекам любителя чернухи.

— Очнись!

Ресницы Осаму Дадзая дрогнули, и он слабо приоткрыл глаза.

На самом деле он вовсе не терял сознание — будучи ветераном утопления, он никогда не промахивался.

Что же до того, зачем он снова сиганул в реку?

Проходя мимо берега, он вдруг вспомнил, что сегодня ещё не погружался в воду, ну и прыгнул за компанию.

Еще когда он покачивался на волнах, то заметил эту маленькую барышню и с живым интересом ждал, что же она предпримет. Но вдруг почувствовал приближение целого косяка рыб, от чьего липкого прикосновения повеяло чем-то сродни слизняку, а следом его шею стянуло так, будто кто-то затеял перетягивание каната, и с силой выволокло на сушу.

Эта верёвка, должно быть, осталась со времён какой-то из его попыток повеситься — он

оставлял подобные снасти на бесчисленных деревьях по всей Йокогаме.

Вот только Осаму Дадзай определенно не планировал сводить счёты с жизнью подобным образом!

На берегу, помимо барышни, обнаружился ещё и до боли знакомый трёхцветный кот.

Трёхцветный кот: *выражение лица преисполнено скорби и боли.jpg*

Дадзай почувствовал, что его тонкая душевная организация понесла некоторый урон.

Эх, до чего же хотелось заснуть и больше никогда не просыпаться.

Увы, не выйдет... Какая же у этой малышки способность?

Очевидно, дело вовсе не в невероятной силе.

Дадзай приоткрыл глаза, подставив ветерку покрасневшие щеки.

— Ого, малышка, — обессиленно поприветствовал он её. — Снова встретились.

Виола присмотрелась к его выражению лица. Э-э-э?!

— ...Ты как?

— ...Всё ещё жив, но так себе.

Кто-то ослабил хватку, и Дадзай едва снова не угодил головой в реку, но вместо этого легко подскочил на ноги, хлопая ресницами и с неподдельным восторгом разглядывая Виолу:

— Малышка, ты злишься? — в его голосе прозвучало искреннее удивление.

Виола глубоко вздохнула и смягчила голос:

— С такими симптомами... не стоит опускать руки.

От него и правда разило кромешной тьмой.

Но при этом он всё ещё так молод.

Фальшивые эмоции, фальшивая улыбка... словно тонкая ледяная корка, которой он отгородился от всего мира, погрузившись в абсолютную изоляцию.

И всё же, раз уж она это увидела, пройти мимо она не могла.

В памяти Виолы промелькнул смутный диалог.

Нежный голос:

— Если Ваше Высочество встретит демона бездны...

Детский голос, полный непоколебимой решимости:

— Шесть белоснежных крыльев, выхватить сияющий меч!

— А если он ещё не до конца пал в бездну? Спасешь ли ты его, Ваше Высочество Виола?

— Разве он молит о помощи?

— Кто знает... Ваше Высочество, в такой момент вам достаточно просто улыбнуться.

*

Словно подбадривая себя, Виола сжала кулаки.

Она справится.

Виола задрала подбородок и одарила Дадзая лучезарной улыбкой.

Её глаза изогнулись полумесяцами, уголки губ взметнулись вверх, а изнутри вовне полились мягкость и всеобъемлющее принятие.

Это была улыбка чистая и яркая, словно весенний ветер, зеленыящий травы, или первое солнце, озарившее небо — улыбка, способная вселить воодушевление, подарить тепло и ощущение счастья.

Осаму Дадзай: «...»

Осаму Дадзай: «.....»

Дадзая буквально засыпало белыми перьями по самые уши.

Виола улыбалась до тех пор, пока у неё не затекли скулы, после чего вновь с надеждой посмотрела на Дадзая.

Однако чёрная жижа...

— Чего это малышка так мне улыбается? Я ведь совсем не похож на господина Мори, маленькие девочки до двенадцати лет на меня не действуют... — Дадзай опомнился и машинально искривил губы в фривольной усмешке. Он улыбался, но его глаза казались ещё более потухшими, чем прежде — словно запечатанный сухой колокол или замёрзший заброшенный пруд, на дне которого беззвучно клубилась бесконечная тьма.

Виола остолбенела: «!!!»

...Не-не подействовало!

Совсем не подействовало!

Этот сгусток чёрной жижи стал ещё чернее!

Колышущаяся, ходячая масса черноты!

Казалось, в нём уместилось всё зло этого мира, и этим зловонным потоком Виолу окатило с ног до головы.

Улыбка ангела — всего лишь пассивный навык, она не способна принести свет, она лишь пробуждает его.

Искреннее благословение и тепло, заключённые в этой улыбке, призваны вызывать в памяти самые светлые, заветные воспоминания человеческого сердца.

Потерявшие надежду вновь обретают пыл, заблудшие — стимул двигаться дальше, отчаявшиеся — проблеск света, а страдающие находят утешение.

Именно поэтому абсолютно все — мужчины и женщины, старики и дети, обладатели способностей и обычные люди — таяли от её улыбки, чувствовали себя исцелёнными и вновь наэлектризованными силами для борьбы.

Исцеляла их не сама улыбка Виолы, а их собственные воспоминания.

Чем сильнее было эхо этих воспоминаний, тем мощнее действовала улыбка Виолы.

Но в душе этого ходячего мрака не было ни надежды, ни света.

Его память представляла собой выжженную пустошь.

Было бы странно, если бы это сработало.

Поняв это, Виола поспешно прижала к себе Учителя Няню.

Только пушистая шерстка могла принести ей хоть каплю тепла, способную разогнать холод и пустоту, исходившие от чужой души.

Дадзай согнулся в три погибели, заглядывая ей в лицо, и приблизился непозволительно близко.

Виола молча отступила на широкий шаг назад.

Дадзай с лёгким шагом подался следом, продолжая источать чёрную жижу:

— Ох, малышка, ты ещё мала, поэтому многого не понимаешь. Смерть — это такая желанная вещь, в конце-концов, в жизни совершенно нет никакого смысла. Всё, что по твоему мнению нельзя потерять, неизменно будет утрачено, а за что бы ты ни боролась, обретя это, в тот же миг обрекаешь себя на потерю. Вещей, ради которых стоило бы длить эту тоскливую жизнь и отчаянно за них цепляться, просто не существует...

Виола отступила снова.

Дадзай снова придвинулся вплотную.

Короткие ножки Виолы никак не могли угнаться за Дадзаем.

Она остановилась и упорно уставилась на него.

Дадзай одарил её очаровательной и сладкой улыбкой.

Конечно, лицом Дадзай вышел неплохо, но...

Виола: «.....»

Виола: «!!!»

Дадзай: «???»

Не в силах совладать с собой, Виола вновь резко шагнула назад.

...Огромный клубок тьмы продолжал изрыгать черноту!

Н-невыносимо!

От такого потрясения степень пробуждения ангельской крови стремительно взмыла вверх.

□Ангел: чистота крови возросла до 20%□

Наконец не справившись с физиологической реакцией организма, Виола судорожно вздрогнула.

Несколько белоснежных перьев плавно спланировали вниз.

Зеркало, похоже, живо ощущало бурю в душе своего Вашего Высочества, переполнялось глубоким сочувствием и могло лишь утешаться тем, что уровень пробуждения ангельской крови у неё всё это время держался на столь низких отметках — иначе дело бы не ограничилось парой выпавших перьев...

Оно мысленно вспомнило славное прошлое своей госпожи: «Грязный город...» Серебристые доспехи, шесть крыльев из чистейшего света и сияющий меч, от взмаха которого половина города стерлась с лица земли.

*

Осаму Дадзай счёл происходящее невероятно забавным.

Слегка склонив голову набок, он решительно протянул руку и ухватил Виолу за торчащую на макушке антеннку-пёрышко.

На мгновение всё замерло.

Виола: «...»

Активировалась «Исповедь нелюди». Впрочем, дело было не в чужой способности.

Взгляд Дадзая потемнел, но на губах снова расцвела улыбка:

— А вы линяете, малышка.

Виола: «.....»

Учитель Нянко: «...Мяу!!»

Дадзай с лукавой улыбкой уже собирался что-то добавить.

Сзади раздался знакомый голос:

— Дадзай...

Осаму слегка напрягся и с самым невинным видом отпустил пёрышко на голове Виолы.

Выпрямившись, он обернулся:

— О, Одацукэ, какая встреча.

Встреча была совсем не случайной, и Ода, наблюдавший за всем с самого начала, смотрел на него взглядом, полным труднопередаваемой гаммы чувств.

<http://bllate.org/book/21113/2142582>